

МЕЖТЕКСТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАГМЕНТОВ БИБЛИИ И РОМАНА М. ТУРНЬЕ «КАСПАР, МЕЛЬХИОР И БАЛЬТАЗАР»

В романе современного французского писателя М. Турнье «Каспар, Мельхиор и Бальтазар» представлены аспекты прихода в мир, жизни и учения Господа Иисуса Христа, воспринятые через призму видения мира четырех волхвов-царей, главных персонажей.

Важное место в произведении отведено библейским реминесценциям и аллюзиям, всевозможным параллельным синтаксическим конструкциям и пара-

фразам, а также именам собственным и топонимам, имеющими происхождение из книг Ветхого и Нового Заветов.

Автор, целиком основываясь на библейских событиях, додумывает и интерпретирует их по-своему в границах пространственно-временной соотнесенности с пространством мифа о волхвах. Язык повествования в сочетании с системой образов и элементами композиции служит раскрытию проблематики произведения, исполненного глубокого философского значения, формируя тем самым «новый смысл» библейской истории.

Так, например, драматизм жизненной коллизии одного из волхвов, темнокожего царя Каспара, безответно влюбившегося в белую рабыню, раскрывается через обращение к широко известной фразе из библейской книги «Песни Песней», которую произносит одно из четырех действующих лиц, прекрасная пастушка (по некоторым версиям библейских исследователей), лицо которой потемнело от загара из-за длительного пребывания на солнце. Выражение, которое она обращает к людям, призвано отразить двойственность ее состояния в глазах других: «*Je suis noire, moi, mais jolie*» [3; *Cantique des Cantiques* 1; 5] («Черна я, но красива» [1; Песнь Песней 1; 4]).

М. Турнье делает из цитаты парафразу с целью также показать дуалистичную природу некоторых героев его романа, их амбивалентное положение в системе человеческих ценностей, приводящее подчас к трагическому разладу в отношениях с окружающими.

Данная конструкция употребляется в тексте трижды. Первый раз по отношению к волхву Каспару: «*Je suis noir, mais je suis roi*» [4, с. 9] («Черен я, но я царь») [2, с. 5]. Второе упоминание относится к его белокурой рабыне Бильтине, не ответившей от всего сердца на его любовь. Автор вводит в текст размышление о низком социальном статусе героини, не соответствующем благородной привлекательности внешнего облика: «*Je suis esclave, mais je suis blonde*» [4, с. 28] («Рабыня я, но у меня белая кожа») [2, с. 29].

И, наконец, почти такой же парафразой, только скрытой, начинает свой рассказ принц Мельхиор, которого лишили естественного права на руководство страной и царских регалий: «*Je suis roi, mais je suis pauvre*» [4, с. 87] («Я царь, но я беден») [2, с. 97].

Скрытая аллюзия на 6 стих 129 псалма обнаруживается даже при поверхностном чтении текста: «*Mais le coeur pur n'espère pas la venue du Sauveur avec moins de confiance que le soldat de garde sur les remparts attendant le lever du soleil*» [4, с. 17]. Подобное место в Псалтири: «*Mon ame désire le Seigneur, plus que la garde ne désire le matin, plus que la garde le matin*» [3; *Psaume* 129:6]**.

Загадочный старик, встретившийся на пути Каспара, дает поэтическое описание солнцу, в котором также нельзя не заметить отголоски 18 псалма Давида: «*Là-bas, Dieu a dressé une tente pour le soleil...D'un bout du ciel il surgit,*

*Но чистое сердце уповает на приход Спасителя с такой же надеждой, с какой часовой на валу ожидает восхода солнца [2, с. 15].

**Душа моя ожидает Господа более, нежели стражи — утра, более, нежели стражи — утра [1, Псалом 129: 6].

il vire a l'autre bout, et rien n'échappe a sa chaleur» [3; Псалм 18: 5, 7]. У М. Турнье: «Le soleil... Depuis un demi-siècle que je me soumets à sa grande et terrible loi, sa course d'un horizon à l'autre est le seul mouvement que je tolère» [4, с. 17]**.

Подчас в повествовании встречаются и стилистические казусы, «модернизирующие» его. Так, с уст царя Каспара, живущего в I-ом веке нашей эры, слетает фраза, уместная по смыслу для человека из двадцатого столетия: «Les préparatifs de notre départ agissent sur moi comme une cure de jeunesse et de force». [4, с. 35]**. «Приготовления к отъезду взбодрили меня так, словно я прошел курс омоложения и физической тренировки». Впрочем, мы полагаем, что это неслучайные нестыковки, возможно они призваны отразить не столько «полет» фантазии переводчика, сколько саму установку художественного манеры М. Турнье, ее «игровую» природу.

В другом фрагменте текста предсказатель Барка Май объясняет царю Каспару смысл такого природного явления, как возникновение кометы в их звездном небе. В его толковании четко угадывается аллюзия на ветхозаветную книгу Бытие (история об Иосифе, который разъяснил египетскому фараону его собственный сон). Правителю из Египта снились тощие и тучные коровы, Иосиф же проинтерпретировал время плодородия и урожая через символику семи тучных коров, а года голода и неурожая в образе семи тощих коров: «И сказал фараон Иосифу: мне снилось: вот, стою я на берегу реки; И вот, вышли из реки семь коров тучных плотью и хороших видом (*sept vaches bien en chaire et belles de forme*) и паслись в тростнике; Но вот, после них вышли семь коров других, худых, очень дурных видом и тощих плотью (*maigres, très vilaines de forme et malingers*)» [1; Бытие 41:2–3]. Соответственно, М. Турнье пишет: «Et les vaches maigres ne préparent-elles pas régulièrement des années de vaches grasses?» [4, с. 10]. («И разве тощие коровы не предшествуют времени тучных коров?») [2, с. 6]. Правда, у писателя тощие коровы предшествуют тучным, а в Библии иная хронология.

Скромный по своим масштабам эпизод из евангелия от Матфея, повествующий о поклонении трех волхвов родившемуся Спасителю, на протяжении многих столетий «обрастал» яркими деталями, дополнениями и фактами, вряд ли имевшими место в реальности. Все уже досказанное и описанное в апокрифической литературе, по сути, давно превратилось в миф, в XX в. изумительно «отшлифованный» и по-авторски интерпретированный собирателем сказаний и легенд, французским писателем М. Турнье. Интертекстуальный диалог романа М. Турнье с различными частями Ветхого

*Он поставил в них жилище солнцу... От края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его. [1, Псалом 18:5, 7].

**Солнце... С тех пор как вот уже полвека я подчиняюсь его великому и грозному закону, путь его от одного края неба до другого — единственное движение, которое я признаю [2, с. 15].

***Приготовления к отъезду взбодрили меня так, словно я прошел курс омоложения и физической тренировки [2, с. 37].

Завета составляет неповторимое стилистическое полотно, погружающее читателя в атмосферу древних библейских событий.

Литература

1. Библия (в Синодальном переводе, с комм. Ч. И. Скоуфилда). — Изд-во Миссионерского Славянского общества, 1988.
2. Турнье, М. Каспар, Мельхиор и Бальтазар / М. Турнье. — СПб.: Амфора, 2005. — 317 с.
3. La Bible. L'Ancien et le Nouveau Testament. — Alliance biblique universelle le CERF, 1992. — 1861 p.
4. Tournier, M. Gaspard, Melchior et Balthazar / M. Tournier. — P., Folio/Gallimard, 1980. — 277 p.